

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Литература об игрушке, как искусстве, насчитывает не один десяток книг. Многие из них представляют собой итог серьезной, иногда долголетней работы отдельных авторов или целых коллективов. Все же эта область остается мало исследованной: большая часть работ имеет чисто описательный характер, материал систематизирован в них только по принципу территориальному, национальному, хронологическому или сюжетному. В основу большинства трудов, которые пытаются дать обобщающие выводы, положены буржуазно-эстетские концепции. Даже в качестве „полуфабриката“ для научного исследования имеющаяся литература об игрушке крайне недостаточна, так как фактический материал, собранный в ней, очень неполон.

Не многим лучше изучена игрушка с точки зрения педагогической, большая часть работ и здесь проникнута буржуазными тенденциями. Практика производства советской игрушки должна опираться на принципы, разработанные педагогами-марксистами. Между тем педагоги наши до 1931 года не уделяли игрушке достаточного внимания, и игрушка отстала от методов коммунистического, коллективного и политехнического воспитания, оторвалась от потребностей советского ребенка.

Н. Церетелли в своем предисловии говорит, что он ставил себе задачу—проследить историческое развитие русской кустарной игрушки, как одной из отраслей народного искусства.

Работа его, имея в этом отношении несомненную ценность, не свободна от ряда недостатков. Важнейший из них тот, что автору удалось дать классовый анализ игрушек только там, где более или менее отчетливо сказалось влияние господствующих классов, или там, где вследствие обострившихся социальных столкновений стали резко проявляться тенденции революционные (например, игрушка эпохи Великой революции во Франции, революции 1905 года в России). В иных же случаях автор пользуется термином „крестьянская игрушка“, не вскрывая того, какую классовую идеологию

выражает данная игрушка или группа игрушек. Правда, дело здесь не в ложной установке, а в том, что автор не смог найти подхода к конкретному марксистскому анализу „крестьянской“ игрушки (Н. Церетелли сам указывает на это в своем предисловии и в соответствующих местах книги), но, во всяком случае, важнейший вопрос остался неразрешенным и это не могло не сказаться на всей работе.

В нашей искусствоведческой литературе всякое историческое исследование включает в себя оценку изучаемого явления с точки зрения современных наших задач. Н. Церетелли, несмотря на то, что разработка проблем советской игрушки не входила в круг вопросов, поставленных им перед собой в настоящей книге, не мог не высказаться о том, как, по его мнению, советская игрушка должна относиться к „игрушечному наследию“. Высказывания его, очень краткие, содержат в основном правильную мысль: стремление „возродить“ традиционную индивидуалистическую игрушку, некритическое перенесение приемов кустарей в советскую игрушку, реставраторские тенденции — реакционны и должны быть отвергнуты. Однако советский игрушечник не найдет в книге Н. Церетелли указания новых путей; в этом отношении книга его скорее имеет, так сказать, негативную ценность, так как и заключительная ее глава и рассеянные по всей книге замечания и характеристики говорят о том, чего не должно быть, каковы традиции, с которыми советский педагог-художник, создающий игрушку, должен бороться.

1932 год ознаменовался важным событием в борьбе советской общественности за новую, коммунистически воспитывающую игрушку: в Москве открыта выставка, привлекавшая к этому, до сих пор отсталому, участку внимание рабочих, педагогов. Выставка эта является началом той массовой работы, которая только и может обеспечить создание новой игрушки. В эту общую работу включается и книга Н. Церетелли, не разрешающая, но ставящая ряд важнейших проблем.

Издательство вместе с автором надеется, что книга эта вызовет критику, которая не только укажет на пробелы, но и восполнит их, не только подчеркнет содержащиеся в ней ошибки, но и исправит их.

„Academia“

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Н. М. Церетелли—большой знаток игрушки вообще и в частности русской кустарной крестьянской игрушки. Это сделало для него возможным придать настоящей книге ее художественный и информационно-иллюстративный характер. Среди книг об игрушке эта книга своим оформлением, красотой и характерностью воспроизводимых ею образцов займет хорошее место.

Автор говорит в своем предисловии, что он старался подойти к материалу по-новому, вооружившись марксистским методом.

Но тут может быть задан вопрос—почему и с какой стороны может интересоваться марксизм основной материал этой книги, ее объект—крестьянская игрушка?

Надо констатировать, что у нас еще не развернулась послереволюционная литература о кустарном искусстве. Между тем существуют все объективные предпосылки для расцвета такой литературы.

В самом деле, постановка вопроса о пролетарской по существу и национальной по форме культуре многочисленных народов, населяющих СССР, прямо приводит нас к необходимости изучать эти глубоко национальные художественные формы. Часто их особенности являются такой же характерной чертой национальности, как и язык. Разумеется, в будущем изменится и речь отдельных национальностей—но в настоящее время мы крепко держимся за материнский язык в школе, за развитие недоразвившихся языков на основе их внутренних свойств, за развитие из этого корня литературы там, где ее нет, и за ее дальнейший расцвет там, где подобное развитие уже началось.

В вопросах национального искусства (в особенности в орнаментальной области—национального сочетания красок, национального

стиля всякого рода узоров и т. д.) нет еще полной ясности. Национал-демократизм, пользуясь этим, проводит свою мелкобуржуазную и реакционно-националистическую тенденцию через подчеркнутую преданность этим „народным“ стилям. Но, с другой стороны, за пренебрежительным отношением к порождениям иногда изысканнейшего вкуса, который проявляет трудовая масса отдельных народностей и в которых она достигает подчас высоты, равняющей ее искусство с лучшими достижениями величайших гениев, часто прячется не менее враждебное нам великодержавное нивелирование.

Маркс, объясняя, каким образом античное искусство Греции могло дойти до такого „совершенства“, стать „в некоторой степени нормой“, указывает, что на базе свободного ремесла, развившегося на этой низшей экономической стадии (которая должна была непременно рухнуть и замениться концентрацией производства), эстетическая ценность продукции достигла большей высоты, чем на последующей, капиталистической ступени развития.

В I томе „Капитала“ (глава 24) Маркс говорит о производстве самостоятельных ремесленников, что оно в ту пору „достигло полного расцвета, проявило всю свою энергию, приобрело соответствующую классическую форму, потому что рабочий являлся здесь свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда. Ремесленник обладал здесь инструментом, которым он играл, как виртуоз“.

Было бы, разумеется, крайне неосторожно сказать, что можно провести знак равенства между свободными ремесленниками древней Греции и кустарными ремесленниками, создавшими в лучшие эпохи стиль отдельных народов, но некоторая доля сходства здесь, конечно, есть. Кустарь-ремесленник или кустарничающий, на ряду с работой в своем сельском хозяйстве, крестьянин достигали часто изумительной виртуозности в овладении „своим инструментом“. К тому же, если кустарное искусство того или другого народа не достигло той степени индивидуализации, какую мы видим в Греции (не чрезмерную, однако, так как Маркс видит одну из причин греческого искусства как раз в сохранении при индивидуализации творчества известного коллективного единства), то здесь, в крестьянском искусстве, мы имеем весьма прочное коллективное творчество или переход раз установленных образцов от одного мастера к другому,

с легкими уклонениями, из которых удерживаются наилучшие, т. е. одобряемые и творящей средой и покупателем.

Капитализм шел своей дорогой, раздавливая ремесло вообще и художественное ремесло в частности: кустарь-ремесленник-художник трещал под чугунными ногами капитализма. Но в нашей стране очень многое из русского, украинского, тюркского и т. д. художественного ремесла дожило до социализма. Вопрос ставится так: будет ли у нас продолжаться вытеснение кустарного искусства фабричной продукцией, как это было бы при дальнейших успехах капитализма, или развитие пойдет по иному пути?

В самом деле, Маркс говорит о том, что безвкусная и антихудожественная эпоха капитализма сменится новой эпохой высокого расцвета искусства, когда победит пролетариат. Но если пролетариат побеждает в такой момент, когда капитализм еще не доел, не давил кустарное искусство, или, допустим, тогда, когда от кустарного искусства остались только образцы, но высокие образцы,—то нельзя ли предположить, что новое пролетарское искусство будет немало черпать из этого источника и, может быть, будет видеть между своими тенденциями и этим искусством больше родства, чем, скажем, с искусством высоко развитого капитализма, а тем более капитализма гниющего?

В этом смысле, с точки зрения художественной культуры, вопрос об изучении ремесленно-художественных традиций и их использовании, на мой взгляд, должен быть поставлен гораздо четче и внимательнее, чем это делалось до сих пор. К этому присоединяется еще один, торгово-экономический аргумент. Дело в том, что поразительная яркость стиля кустарных произведений, их огромное разнообразие не только от народа к народу, но часто от одной местности к другой, создают необычайный выбор товаров для коллекционеров и любителей изящных вещей. Заграничный рынок, кажется, даже теперь, в период страшного упадка его покупательных сил, охотно поглощает, например, наш кустарный вывоз, и мы могли бы добиться еще большего успеха, если бы у нас было время и возможность больше сделать для подъема этого производства.

Замечательные успехи, достигнутые советской властью, например, по отношению к Палехской артели, теперь уже бесспорны.

С этой точки зрения кустарная игрушка, как входящая, в качестве очень своеобразного и содержательного элемента, в кустарно-художественное производство вообще, весьма интересна.

Но изучение так называемого народного, т. е. кустарного ремесленно-художественного производства имеет и социологически интересные перспективы. При правильном марксистском анализе мы должны получить здесь интересные просветы в социальную психологию, в классовое расслоение крестьянства (иногда и городского мещанства), творившего эту игрушку.

Мы можем получить своеобразные выводы относительно различных смещений и переkreщиваний социальных тенденций, поскольку, скажем, кустарь-крестьянин работал на городской рынок, на помещика и т. д.

Все эти интереснейшие вопросы об отражении социальной структуры общества в творчестве различных крупных групп кустарей-художников еще чрезвычайно мало освещены в нашей литературе, и всякая сколько-нибудь здоровая попытка проникнуть в эту область должна приветствоваться.

Игрушка в этом отношении имеет особое значение. Игрушка не относится просто к области безделок, которые могут быть бессюжетными, так сказать, неопределенными вещами, социальное содержание которых почти неуловимо.

Нет, игрушка заряжена совершенно определенной психологией. Она отражает отпрепарированный известным образом для ребенка, упрощенный, юмористически или патетически преломленный, — словом, в самом широком смысле слова, стилизованный объект, взятый из живой жизни.

Область игрушки несколько уже, чем область крестьянской словесности в целом, но, тем не менее, будучи крупным проявлением не затронутой церковной схоластикой и ее официальной художественной деятельности крестьян, она являет собой, рядом со словесными произведениями крестьянства (всякого рода фольклором), один из интересных источников изучения подлинных настроений разных групп крестьянства.

Н. М. Церетелли делает интересные шаги в этом направлении, — можно сказать, почти начинает такую работу. Быть может, пишу-

щему эти строки остались неизвестными какие-нибудь предшествующие труды, задающиеся целью дать социально-идеологический анализ кустарной игрушки, но, насколько он знает, ничего действительно значительного в этом отношении мы не имеем, и труд Церетелли является почти инициативой в этом деле.

Конечно, он имеет при этом довольно значительные недостатки. Однако винить в них приходится не автора, а состояние вопроса, включая сюда его крайнюю трудность.

Действительно, разве существует крестьянство „вообще“? Разве не характерно, что именно никогда не знавшее крепостного права крестьянство Вятки создает наиболее своеобразную игрушку? А разве дело сводится только к этому? А как быть с вопросом о том, как сказались в игрушке и кулак, и середняк, и бедняк, и батрак, и община, и хутор, и отхожие промысла, и всякие формы вольной игры и т. д.?

В книге Н. М. Церетелли мы найдем лишь очень небольшие штрихи, попытки поставить некоторые из этих вопросов. Некоторая суммарность здесь оказалась неизбежной, но она должна быть оговорена. Впоследствии игрушка будет внимательнее разбита во времени, пространстве и социальной среде, и это даст, конечно, богатый результат. Но как подойти к этому с уверенностью, как действительно размежевать игрушку и найти ее совершенно точные социальные корни—это еще никем не найдено, и сделать это не так легко, как критиковать недостаточность результатов данной работы.

Игрушка может еще интересовать нас с педагогической точки зрения. Игрушка есть определенная педагогическая установка. Изучение того, чем играл ребенок того или другого класса, в ту или другую эпоху, может бросить довольно яркий свет на всю педагогическую систему. Этот глубокий вопрос может быть задан крестьянской игрушке. Его бегло касается и наш автор, но, не будучи ни педагогом, ни специалистом-социологом, он, конечно, не берется на него ответить.

На всю совокупность намеченных нами вопросов, а, может быть, и на ряд других, которые ускользают от пишущего эти строки, книга Церетелли не дает ответа. Но всякий, кто захочет ответить на эти вопросы, должен будет пользоваться книгой Церетелли. В этом ее заслуга.

А. Луначарский

ОТ АВТОРА

Русской крестьянской игрушке посвящено немало трудов. Основными являются книги: А. Бакушинский „Русская народная игрушка“, Н. Д. Бартрам „Игрушка—радость детей“, „От игрушки к детскому театру“, Н. Бартрам и Е. Овчинникова „Музей игрушки“, А. Деньшин „Вятская глиняная игрушка“, И. Евдокимов „Русская игрушка“, Л. Г. Оршанский „Игрушки“, А. Чушкин „Резная игрушка из дерева“ и др.; статьи Н. Д. Бартрама, А. Бенуа, Я. Тугенхольда и др., напечатанные в различных журналах; сборник „Игрушка, ее история и значение“ со статьями С. Глаголя, В. И. Боруцкого, В. Харузиной и др. Остальные либо повторяют мысли и факты, изложенные в указанных работах, либо разрабатывают частные вопросы, либо настолько бедны фактами и мыслями, что в основную литературу зачислены быть не могут¹. Но и наиболее содержательные книги о русской игрушке важны главным образом собранным в них фактическим материалом. Если авторы их и пытались строить более или менее цельную концепцию истории игрушки, то это им не удавалось, потому что подход у них был вкусовой, эстетский, неисторический или формально-исторический.

В настоящей книге я ставил себе задачу дать общий очерк уже известных фактов, добавить к ним новые, впервые описываемые мною, и представить их так, чтобы стала для всех очевидной, во-первых, возможность научной истории игрушки и, во-вторых, важность изучения игрушки для социологов искусства.

¹ В конце настоящей работы я помещаю список книг по интересующему нас вопросу.

Работа в этой области едва начата. Не существует даже определения того, что такое игрушка. Фактический материал и самые собрания игрушек страдают большой неполнотой. Особенно важный раздел работы должно представить исследование того, как проявлялись в игрушке тенденции различных классовых групп крестьянства, и влияния на крестьянское игрушечное искусство идеологии господствующих общественных классов. Вот главные вопросы марксистского анализа истории игрушки. Между тем к этим задачам не только не подходили, но даже их не ставили.

Все перечисленное не могло не сказаться на моей книге. Читатель увидит в ней некоторую пестроту: на ряду с главами, в которых материал систематизирован и дан хотя бы предварительный анализ его, есть главы чисто описательные (например, глава „Игрушки звуковые и игрушки с движением“). Но для того, чтобы выдержать всю книгу в едином плане, пришлось бы избрать один из следующих вариантов. Можно было отказаться от опыта анализа там, где к нему уже можно приступить, и сделать всю книгу описательной,—но такая работа меня не интересовала. Можно было опустить все содержащееся в главах, имеющих описательный характер,—но тогда отсутствовало бы несколько разделов, без знания которых нельзя составить себе более или менее полного представления об игрушке, а эта книга рассчитана так, чтобы ее могли читать и те, кто об игрушке не читал ничего. Я не пошел ни по первому, ни по второму пути, и, как мне кажется, поступил правильно, используя в каждом случае материал так, как было возможно.

Это надо иметь в виду и по отношению к классификации игрушек, принятой в моей книге. Она не претендует ни на строгую научность, ни на полноту и служит той же цели—максимальному использованию материала при условии вынужденной двойственности книги.

Размеры книги позволили мне только бегло коснуться некоторых частных вопросов; это особенно относится к описанию части упоминаемых игрушек. Читателей, которые захотят узнать о них больше, отсылаю к перечисленным в указателе книгам.